

ОБ ОДНОМ НЕОБЫЧНОМ ЛИТОВСКОМ ПЛАТЕЖНОМ СЛИТКЕ

ДАЛЯ ГРИМАЛАУСКАЙТЕ, ИВАН ИВАНОВИЧ СИНЧУК

В Отделе нумизматики Национального музея Литвы хранится необычный литовский платежный слиток (LNM, MA 3550).

Литовскими слитками традиционно в нумизматической литературе называли палочкообразные серебряные слитки длиной 12–15 см, шириной 12–13 мм, высотой 8–11 мм, округлого (точнее полукруглого) сечения, с массой около 105–110 г. с датировкой конец XII – начало XV в. (по уточненной Э. Иванаускасом датировке – конец XIV в. (Ivanauskas, 1994, p. 11)). Значительная часть слитков – приблизительно 2/3 – имеет глубокие насечки (от одной до нескольких). По измененной С. Саяускасом терминологии (Sajauskas, 1992, p. 100; Sajauskas, Kaubgys, 1993, p. 10–13) литовские слитки определяются как малые литовские слитки,¹ для отличия от более тяжелых трехгранных слитков, интерпретированных З. Дуксой как слитки литовского происхождения (Duksa, 1981, p. 118–123, 140). В литературе уже отмечалась неустойчивость терминов для обозначения литовских слитков и слитков вообще (Duksa, 1981, p. 104–105; Gudavičius, 1991, p. 66–67). Авторы далее будут пользоваться определением *литовский слиток* в традиционном значении термина, т.е. имея в виду западнорусский (по терминологии Н. П. Бауэра) (Baueg, 1931) либо палочкоподобный слиток округлого сечения, “изрой” документов и надписей на самих слитках (Неклюдов, 1945, с. 139–140).

Необычность слитка, о котором идет речь, заключается в том, что он соединен сваркой из двух частей (рис. 1). До сих пор обращалось

внимание на части слитков в половину их длины (и, соответственно, веса) либо еще меньшие фрагменты (Ильин, 1924; Karazija, 1932; Археология, 1995, с. 140, 199, 276–277; Ivanauskas, 1999). Слиток происходит из собрания Литовского общества наук в Вильнюсе (1907–1940), принадлежал к коллекции Константина Сташиса (1880–1942), литовского культурного и политического деятеля, бургомистра Вильнюса в 1940 г. Слитки коллекции К. Сташиса в большинстве своем относятся к Вильнюсскому кладу 1930 г. из Рыбишкес, описанному П. Каразией (Karazija, 1932). С большой долей вероятности можно ожидать, что и слиток, о котором идет речь, относится к Вильнюсскому кладу 1930 г., хотя соотнести его с изображениями на фототаблицах и данными в таблицах публикации клада из Рыбишкес нельзя.

Слиток имеет массу 107,104 г, его общая длина 126,5 мм, ширина 11 мм, высота 11 мм. На нем ныне имеются в центре три насечки, сделанные острым предметом на глубину от 6 мм до 7,5 мм, т.е. на 2/3 толщины слитка, причем две располагаются на одной части, одна – на второй.

Инструмент для нанесения насечек имел угол “режущей кромки” 65–70°, т.е. не мог быть обычным хозяйственным топором либо ножом, угол острия которых чуть ли не на порядок меньше. Исходя из силы удара, необходимого для проникновения на 2/3 толщины слитка, можно предполагать его значительную массу – может быть около 1 кг либо больше. Можно говорить о

¹ По мнению сотрудника Отдела нумизматики Национального музея Литвы Э. Ремецаса, занимавшегося картографированием находок слитков, положение о распространении только в Литве т. н. больших литовских слитков безоговорочно принять нельзя, поскольку не изучались находки слитков за пределами Литовской Республики, корпус слитков с детальным описанием отсутствует и подобные слитки могут скрываться под названием новгородских. Отсюда следует сомнение в целесообразности названия больших слитков литовскими и использовании названия “литовские слитки” с уточнением “большие” и “малые”. Поэтому авторы употребляют традиционное название литовские слитки по отношению к палочкообразным слиткам округлого сечения.

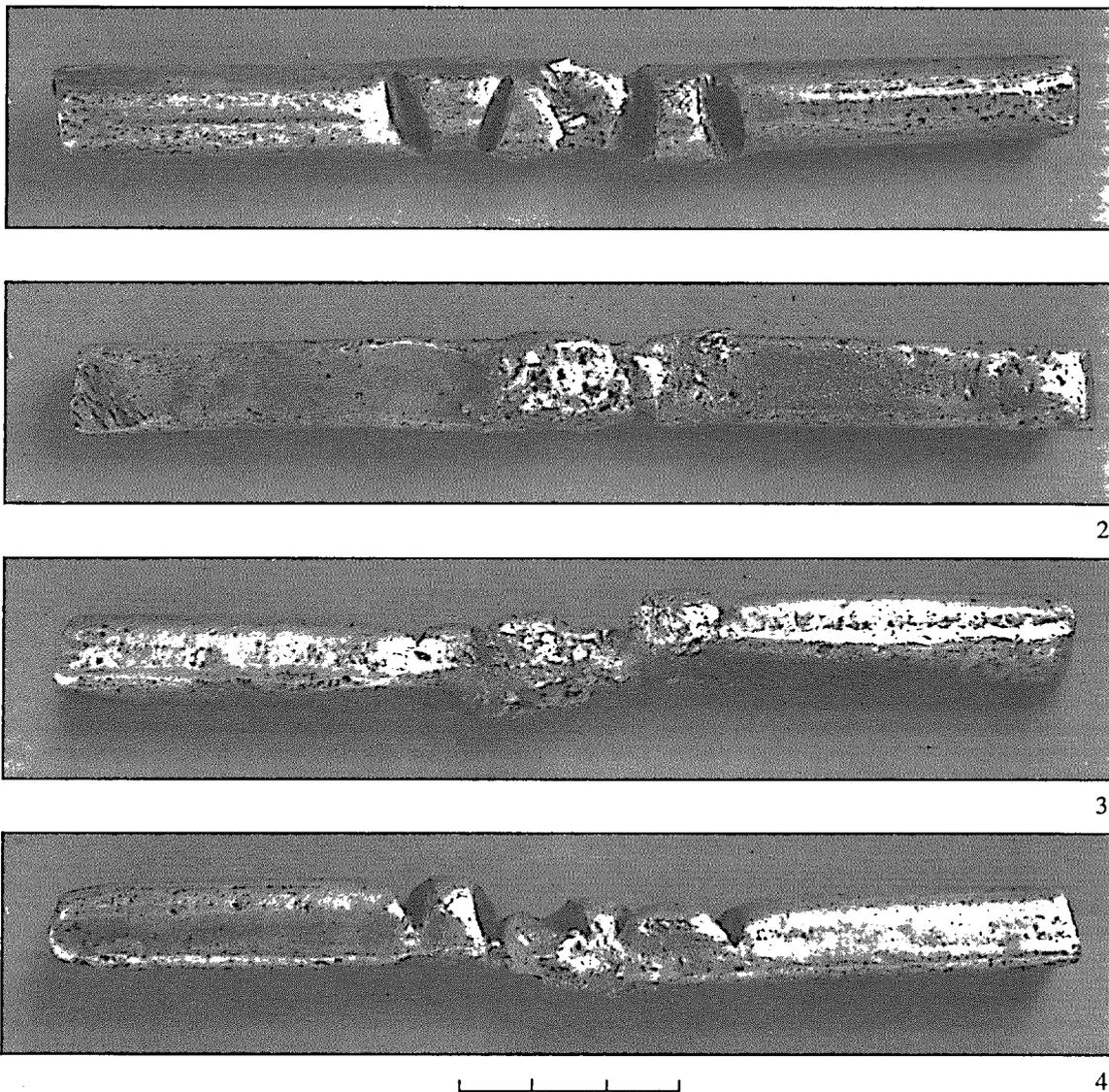

Рис. 1. Литовский платёжный слиток, соединённый сваркой из двух частей: 1 – лицевая, 2 – оборотная, 3, 4 – боковые стороны, инв. № LNM, МА 3550. Фотография Г. Сакалаускаса.

центрированном расположении рабочей ударной части, поскольку биссектриса углов насечек – перпендикуляр к основанию слитка. Характер поверхности образованных насечками плоскостей говорит об ударном вертикальном действии инструмента, а не о режуще-рубящем косом, поскольку отсутствуют следы зазубрин инструмента, неизбежных при узком лезвии, и плоскости представляют собой гладкую поверхность. Об этом же говорит деформация одной из насечек на фрагменте с двумя насечками из-за сдвига металла при нанесении второй насечки. “Дно” насечек также не имеет характерных для вырезания следов в виде неизбежного более глубокого проникновения одной из режущих плоскостей вглубь металла. Можно предположить, что использование

инструмента со столь широкой рабочей частью вызывалось желанием избежать рассечения слитка на части ударом неконтролируемой силы. Столь же вероятно, что использование некоего инструмента типа зубила с большим углом рабочей части вызвано традицией нанесения определенного типа вмятин.

Судя по наклону концов в месте сварки, обе части кончались насечками в месте их стыковки. Наибольшему нагреванию подверглась часть с двумя насечками, металл которой более значительно деформирован от температурного воздействия (температура плавления серебряного сплава высокой пробы лишь несколько меньше 1000°). Вероятно, в результате нагревания был расплавлен треугольный сегмент между двумя насечками,

последняя из которых послужила местом излома слитка, либо между угадываемой ныне насечкой и местом рассечения исходного слитка.

Размеры частей слитка составляют 70 мм (часть с двумя насечками) и 55 мм (часть с одной насечкой). Разрубался исходный слиток фрагмента с двумя насечками инструментом с углом режущей кромки около 10° , причем слиток был прорублен с одного удара на глубину 9,5 мм, в изломе видна часть высотой 1,5 мм (рис. 2). Со второго края он, предположительно, был разломан по линии насечки, как и большинство встречающихся небольших фрагментов литовских слитков. Часть с одной насечкой имеет незначительный след от

расплющивания конца и ровный скос от отрубленного кончика слитка до глубины 6 мм, причем удар был произведен с тыльной (если считать лицевой для слитков сторону с насечками) стороны (рис. 3).

Судить об угле режущей кромки инструмента не представляется возможным, поскольку в данном случае слиток могли удерживать за противоположный конец и получить некоторый угол наклона. Ныне скос составляет 65° , это означает, что при отрубании инструментом с режущей кромкой в 10° противоположный край слитка при его длине в 12–13 см должен был быть поднят на высоту около 4 см, считая по нижней поверхности,

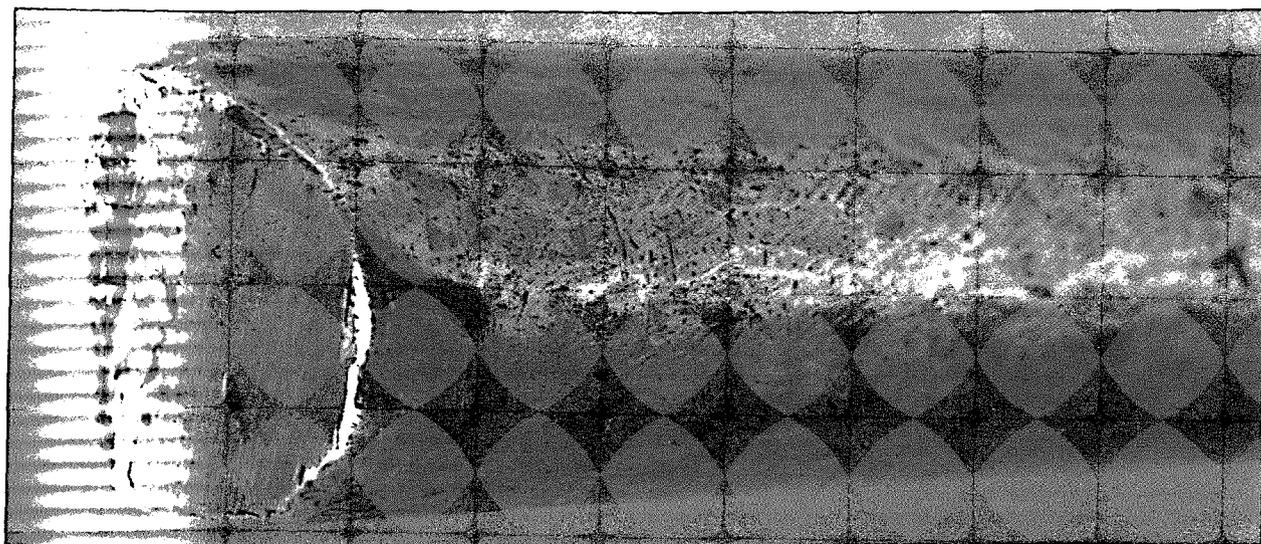

Рис. 2. Фрагмент слитка. Конец части с двумя насечками. Масштаб 5:1. Фотография Г. Сакалаускаса.

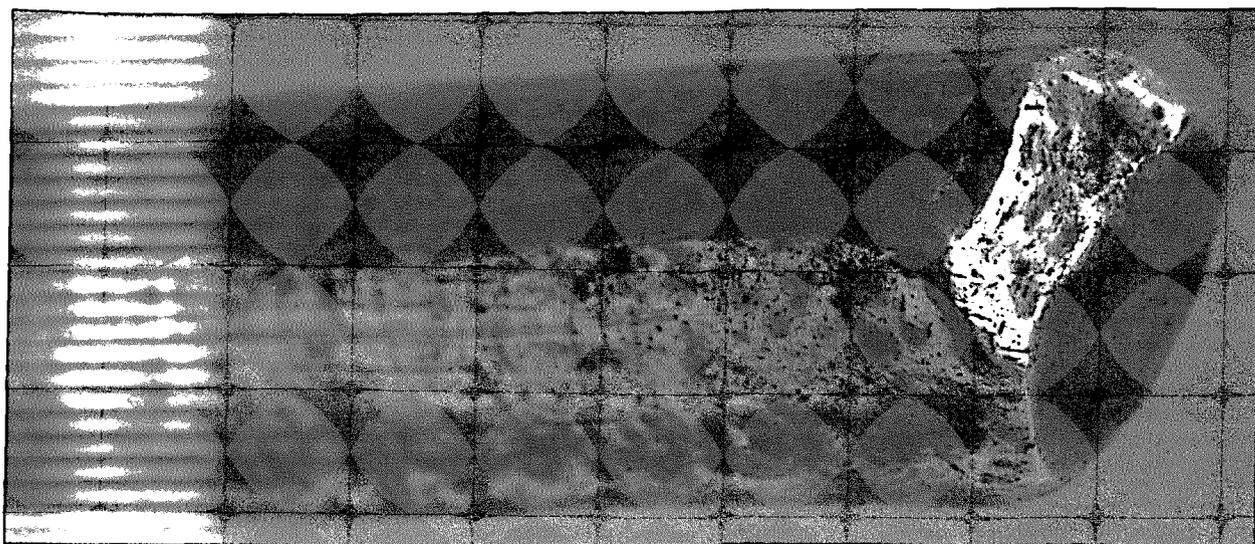

Рис. 3. Фрагмент слитка. Конец части с одной насечкой. Масштаб 5:1. Фотография Г. Сакалаускаса.

либо на высоту 1,5 см при отсечении от фрагмента слитка длиной в 6–7 см. В первом случае слиток захватывали рукой до половины, во втором удерживали за конец с захватом в 1,0–1,5 см. Собственно, толщина пальцев руки, удерживающей слиток, определяет угол наклона слитка и, соответственно, угол наклона плоскости, образующейся после отсечения части слитка. Второй конец части с одной насечкой был получен, предположительно, разламыванием исходного слитка по линии одной из насечек.

Говоря о необычном слитке, следует попытаться найти ответ на вопрос, сварены ли части слитка во время его функционирования как платежного средства, либо сваривание было произведено после находки (кажется, в данном случае более правомерно говорить о сварке, нежели о спаивании).

Действительно, поиск коллекционерами слитков из Вильнюсского клада, часть которого разошлась по рукам (Kažazija, 1932, p. 34), мог побудить нашедших сварить кустарным способом половинки слитков для получения целого слитка. Однако, достаточно точно соответствие массы слитка “нормативной” массе литовских палочкоподобных слитков склоняет к мысли о сварке во время функционирования слитка в качестве платежного средства. Означало ли это, что слитки требовались как целая единица? Или это попытка устранить производственный брак (случайное рассечение либо переламывание готового слитка)? А может, сварка была произведена позже, во время нахождения фрагментов слитков в обращении?

Можно утверждать, что сварены фрагменты разных слитков, несмотря на их одинаковую высоту, ширину и пропорции поперечного сечения. На обеих частях видны продольные и косые следы от ручного абразивного бруска либо не очень крупного напильника на лицевых сторонах и на оборотной стороне части с двумя насечками, которые практически устранили следы обычных небольших каверн на лицевой поверхности слитков. Таким образом, вероятно, оба фрагмента подгонялись по размерам и пропорциям. После сваривания обработка напильником не производилась, поскольку деформированный расплавлением мегалл без следов напильника.

Рассматривая сварной слиток, нельзя обойти традиционный вопрос о функциональном назначении зарубок на слитках, который до сего дня является предметом живого интереса (Pažarauskas, 1996). Изучение насечек с технологической точки зрения может в некоторой степени помочь в освещении данной проблемы.

Гипотезы о функциях насечек на слитках можно сгруппировать следующим образом.

1. Насечки являются обозначением пробы. Изящное возражение о возможности фальсификации путем самовольного нанесения насечек (Ivanauskas, 1998, p. 440) исходит из предположения, что большее количество насечек означает большую пробу. Если же меньшее количество насечек будет обозначать большую пробу, то гипотезу по-прежнему следует считать правомерной. Поскольку массовое точное пробирование известных ныне слитков не проводилось, то проверка гипотезы – дело будущего.

2. Насечки являются знаками собственности. Возражение о примитивности знаков (Ivanauskas, 1998, p. 440) может быть устранено трактованием насечек как отметок отдельных партий слитков во время производства, т.е. трактованием их как временных знаков собственности владельцев. Трактовка насечек как персональных знаков ливцов также подпадает под возражение об их недостаточной информационной насыщенности. Кроме того, при использовании насечек как знаков собственности следует ожидать и наличия других знаков (клейм, надписей и т.д.). В действительности надписи и граффити на литовских слитках весьма редки, а клейма вызывают сомнения в своей подлинности. Например, очевидно антикварное происхождение известного слитка с Колюмнами (столбами Гедиминовича) (Lietuvos, 1936, II:1), образцом для которого послужила, как можно предполагать, довоенная фототропка со столь же сомнительными слитками из коллекции литовского коллекционера в США А. Рачкуса (LNM, ATV 25767).

3. Насечки являются следами юстировки слитков (Ivanauskas, 1998, p. 441). Гипотеза не может быть принята по причине отсутствия технологических следов данного действия и возможности более простой технологической операции – отсечения для данной цели фрагмента слитка от его конца.

4. Насечки являются следами проверки отсутствия медного ядра во время обращения. Гипотеза в данной формулировке не может быть принята из-за использования для нанесения насечек не бытового инструмента и отсутствия на одном слитке насечек разного профиля (например, треугольного и овального сечения). Кроме того, следы подобной проверки в виде надрезов-насечек, сделанных легким инструментом с узкой режущей кромкой (предположительно ножом), встречаются на боковых поверхностях слитков. Против говорит и отсутствие широких насечек на других типах слитков, бывших в обращении и найденных в ареале распространения литовских слитков.

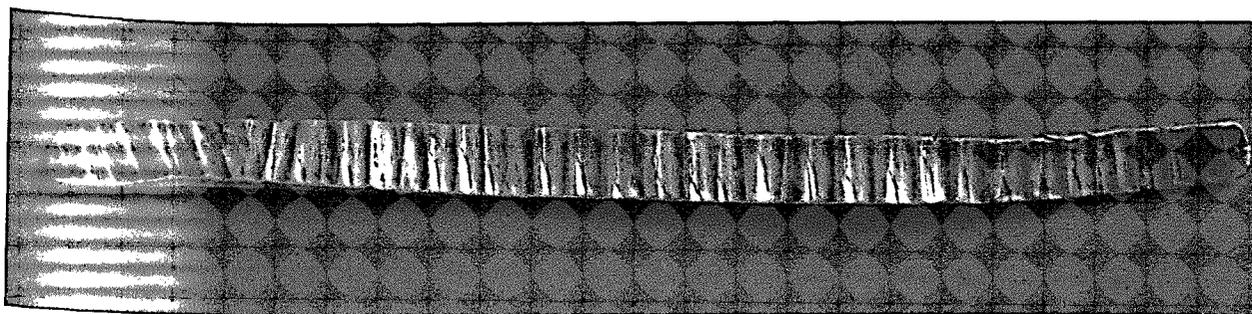
5. Насечки являются следами демонстрации отсутствия медного ядра во время сдачи слитков

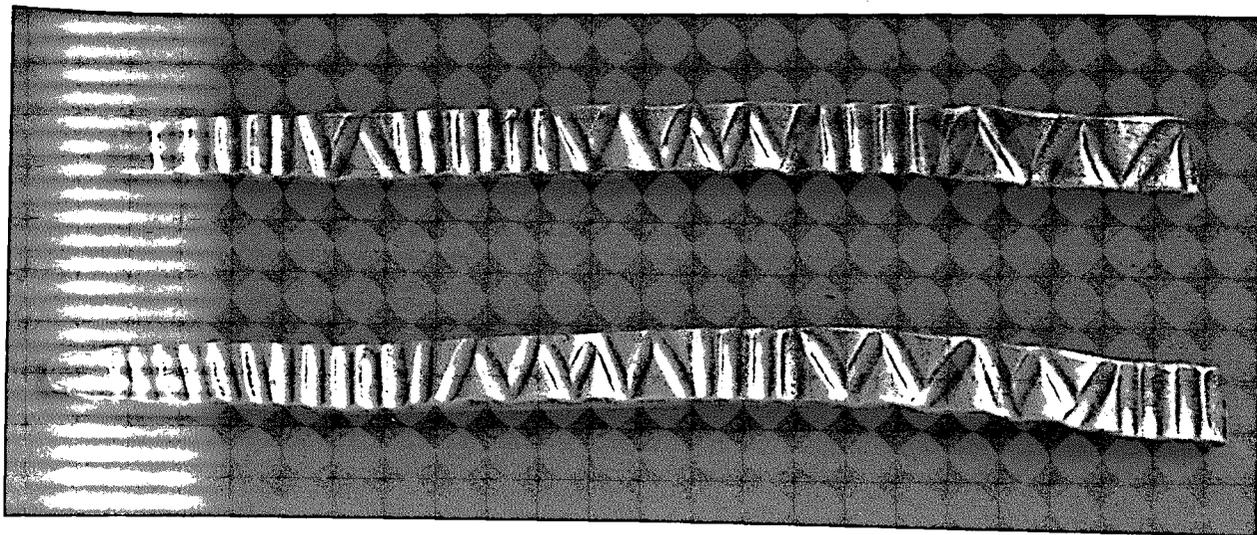
1

ливцом заказчику. Практика плакирования злоумышленниками средневековья стержней из недргоценного металла ныне задокументирована археологически находками фальсификатов слитков. Слабым местом гипотезы является наличие на ряде слитков насечек – вдавливаний полукруглого сечения, которые производились инструментом с округлой формой рабочей части, неспособным открыть ядро слитка.

6. Насечки являются традиционными отметками, возникшими из-за обыкновения просекать слитки для проверки отсутствия в них медного ядра. С этим хорошо согласуется наличие нефункциональных насечек полукруглого сечения, очевидный декоративный характер расположения насечек на некоторых слитках, неоправданно большое число насечек на отдельных слитках.

2

3

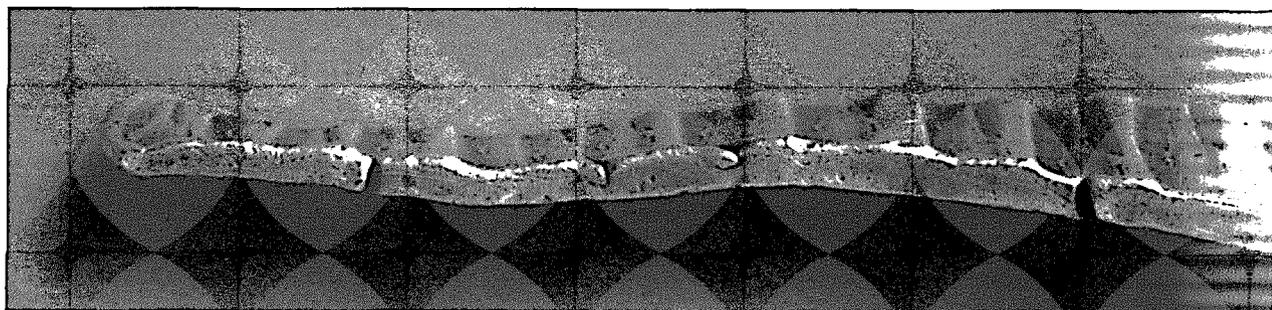
Рис. 4. Кованные ленточные слитки из клада Йонишкис (XI в. / 1958): 1 – вес – 112,564 г, инв. № LNM, AR 485:1; 2 – вес – 101,735 г, инв. № LNM, AR 485:5; 3 – переломанный на две части слиток, вес – 102,142 г (48,353 и 53,789 г), инв. № LNM, AR 485: 4. Фотография Г. Сакалаускаса.

7. Насечки являются традиционными отметками, возникшими в подражание кованным ленточным слиткам скандинавского происхождения со следами сплюсывающего воздействия тупого либо округлого инструмента типа зубила по всей поверхности одной из сторон, иногда образующими простой орнамент. Ленточные слитки, датированные XI в., известны из пяти находок в Литве; они получили неудачное название кольцевидных слитков четырехугольного сечения (Dukša, 1981, р. 100–103, 139) (рис. 4–5). По следам проверки металла в виде ножевых насечек по боковой грани (такие отметки есть на слитке из Йонишкис), которые могли быть сделаны лишь до сворачивания в спираль (а не в кольцо), можно утверждать, что и спиральные экземпляры ленточных слитков первоначально были плоскими полосками (рис. 5). Хронологически предположение хорошо согласуется, на литовских слитках также имеются насечки–

вмятины двух типов, иногда встречаются косые насечки под углом 90° градусов друг к другу, которые могли восходить к простому орнаменту ленточных слитков.

8. Насечки являются знаками отклонений в весе, которые ставились сразу после их отливки. Поскольку ряд слитков при одинаковом весе имеет разное количество насечек и, наоборот, слитки с одинаковым количеством насечек имеют разный вес, то предположение не может быть принято. Лишь предположение об изменении весовых норм за два с половиной века производства и обращения слитков не позволяет полностью отказаться от данной возможности.

9. Насечки являются отметками угара сырья во время плавки. Подобное предположение было высказано для новгородских слитков (Сотникова, 1958, с. 13–16; 1961, с. 79–91). Слабым местом является разная величина одной “единицы” в предполагаемой системе.

1

2

Рис. 5. Ножевые насечки на кованных ленточных слитках из клада Йонишкис (XI в. / 1958): 1 – фрагмент слитка в виде плоской полоски, вес – 101,735 г, инв. № LNM, AR 485:5; 2 – спиральный экземпляр, вес – 107,795 г, инв. № LNM, AR 485:2. Фотографии Г. Сакалаускаса.

Краткий обзор возможных функций насечек склоняет как к наиболее вероятным к трем гипотезам.

Наиболее вероятно заимствование внешнего вида ленточных кованных слитков с нанесением на некоторых литовских литых слитках уменьшенного количества символических насечек как традиционного признака платежного слитка на территории распространения литовских слитков.

Менее сильным является предположение, что первоначальным назначением насечек была демонстрация отсутствия ядра из недорогого металла во время передачи готовых слитков заказчику, что со временем превратилось в традицию, подобно обыкновению слегка расклепывать концы литовских слитков.

Привлекает также значительно более слабая гипотеза о временном знаке собственности – отметке для различения партий слитков, предназначенных для владельцев разных партий серебра, оставивших заказ одновременно.

Возможно, что существовала временная разница между слитками без насечек, слитками с

насечками треугольного сечения и слитками с насечками полукруглого сечения. В зависимости от принятой гипотезы генезиса насечек хронология перечисленных слитков может предполагаться в разном порядке.

На полях можно сделать отметку о возможном происхождении исторического названия литовских слитков в связи с обыкновением наносить на них насечки. Не прижившийся в научном обиходе аутентичный термин “изрой”, воспринимающийся ныне носителями литовского языка как славянский, а носителями восточнославянских языков не относимый к узнаваемым словам “славянской” окраски, может восходить к определению “išraustas”, либо “išrausta”, т.е. “изрытый”, “изрытая”, что может объясняться наличием зарубок на большинстве литовских слитков.

Поскольку в результате сварки получен литовский слиток нормального веса, размера и с нормальным, привычным расположением насечек, но без расклепывания концов, то, исходя из

предположения о его аутентичности, можно предполагать потребность рынка именно в слитках стандартного вида, т.е. хождение слитков во время производства сварного слитка по счету, а не по весу. Именно такое заключение было сделано для конца XIII – начала XIV века на основании упоминания изроев в письме 1298 года рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу (Неклюдов, 1945, с. 140).

Сравнение состава металла двух частей и сварного шва описываемого слитка показало их близость: часть с одной насечкой имеет РФА-пробу $923 \pm 0,125$ промилле, часть с двумя насечками – $922 \pm 0,125$ промилле, шов – $933 \pm 0,125$ промилле. Сплав представляет собой бинарную внеэвтектическую систему серебро-медь, т.е. локальные значения пробы можно с высокой точностью переносить на весь слиток. Части близки также по составу примесей кремния, магния, алюминия, железа и серы (см. табл. 1), однако эти показатели не могут быть уверенно использованы как дифференцирующие,

Таблица 1. Состав сплава частей слитка и сварного шва (в промилле)*

Элемент	Часть с одной насечкой	Абсолютная ошибка	Часть с двумя насечками	Абсолютная ошибка	Шов	Абсолютная ошибка
Mg	< 5,0	(0,0)	< 5,0	(0,0)	< 5,0	(0,0)
Al	5,521	0,094	5,971	0,096	1,829	0,084
Si	17,60	0,010	16,66	0,010	9,400	0,072
P	< 0,050	(0,0)	< 0,050	(0,0)	< 0,050	(0,0)
S	5,915	0,026	5,022	0,024	8,798	0,031
Ti	0,387	0,032	0,223	0,033	0,337	0,032
Cr	0,210	0,062	0,148	0,061	0,304	0,062
Mn	0,115	0,034	0,071	0,038	0,368	0,042
Fe	3,140	0,061	1,138	0,040	5,479	0,077
Co	< 0,01	(0,0)	< 0,01	(0,0)	0,0515	0,0092
Ni	0,1411	0,0089	0,183	0,001	< 0,010	(0,0)
Cu	39,750	0,130	44,650	0,130	36,010	0,120
Zn	0,283	0,014	0,201	0,014	0,533	0,016
As	0,0252	0,0057	0,0228	0,0057	0,0337	0,0054
Nb	< 0,010	(0,0)	< 0,010	(0,0)	< 0,010	(0,0)
Mo	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)
Ag	923,200	2,600	922,200	2,600	933,200	2,600
Sn	< 0,015	(0,0)	< 0,015	(0,0)	< 0,015	(0,0)
Sb	< 0,025	(0,0)	< 0,025	(0,0)	< 0,025	(0,0)
Tl	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)
W	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)	< 0,020	(0,0)
Au	3,418	0,049	3,349	0,049	3,436	0,049
Pb	0,233	0,013	0,238	0,013	0,168	0,012
Bi	0,0991	0,0084	0,1169	0,0086	0,0993	0,0079
Всего промилле	1000		1000		1000	

* Анализ выполнен доктором естественных наук А. Содейка 2001 08 06 на рентгеновском флуоресцентном спектрометре SPECTRO XEPOS с разрешительной способностью 170 eV MnK α .

ибо примененный метод исследования позволяет судить о составе сплава на глубине в несколько десятков микрон, а перечисленные элементы характерны для поверхностных загрязнений. Отличительной особенностью состава металла частей слитка и шва является наличие золота в количестве несколько большем 3 промилле. Близкие по времени пражские гроши Вацлава IV имеют примеси золота на порядок меньше.

Можно утверждать, что для соединения частей слитка не использовался серебряный припой, поскольку состав сварного шва и частей слитка идентичен. Также следует, что обе части слитка происходят, как минимум, из одного сырьевого источника (скорее всего, вторичного) и, возможно,

из одной партии слитков. Высокая проба позволяет предполагать раннее происхождение описываемого слитка (его частей) – до появления в Великом княжестве Литовском пражских грошей Вацлава IV (Сінчук, 1990, с. 37–38). Очевидно использование для сварки достаточно доступного и простого источника высокой температуры типа кузнечного горна. Результаты анализа состава сплава слитка не дают возможности точно определить время сварки – это могло быть сделано во время производства (наименее вероятно, поскольку случайно разломанный слиток могли расплавить и перелить), во время обращения (наиболее вероятно) либо после находки клада (последнее маловероятно по причине отсутствия явной мотивации).

ЛИТЕРАТУРА

Ильин А. А., 1921 – Топография кладов серебряных и золотых слитков // Труды нумизматической комиссии Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1921. Т. 1.

Неклюдов В. М., 1945 – О русских денежных слитках // Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1945. Т. 1, с. 121–143.

Сінчук І. І., 1990 – Ю. Ядкоўскі як аўтар Вядамасцей нумізматычна-археалагічных // Краязнаўчыя запіскі: Зборнік артыкулаў памяці Юзафа Ядкоўскага. Гродна, 1990, с. 36–40.

Сотникова М. П., 1958 – Серебряные платежные слитки великого Новгорода (вопросы техники и эпиграфики). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1958.

Сотникова М. П., 1961 – Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1961. Т. 4. Вып. 2. Нумизматика.

Археалогія, 1995 – Археалогія і нумізматэка Беларусі. Энциклапедыя. Мінск, 1995.

Bauer N., 1929; 1931 – Die Silber- und Goldbarren

des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift, 1929. T. 62, S. 77–120; 1931. T. 64, S. 61–100.

Duksa Z., 1981 – Pinigai ir jų apyvarta // Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII a. Vilnius, 1981. T. 2, p. 83–129.

Gudavičius E., 1991 – Miestų atsiradimas Lietuvoje. Vilnius, 1991.

Ivanauskas E., 1994 – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės lydiniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų. Vilnius, 1994.

Ivanauskas E., 1998 – Išskirtos lietuviškuose pusapvaliuose lydininiuose // Lietuvos istorijos metraštis. 1997. Vilnius, 1998, p. 440–441.

Ivanauskas E., 1999 – Kulautuvos lobiai. Vilnius, 1999.

Karazija P., 1932–1930 m. Vilniaus lobis. Vilnius, 1932

Lietuvos, 1936 – Lietuvos istorija. Kaunas, 1936.

Pažarauskas Z., 1996 – Retas kontrasienuotas ilgasis // Kolekcija, 1996, p. 32.

Sajauskas S., 1992 – Lietuvos numizmatika XII–XV a. // Mokslas ir Lietuva, 1992. Nr. 1, p. 99–107.

Sajauskas S., Kaubrys D., 1993 – Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės numizmatika. Vilnius, 1993.

APIE NEĮPRASTĄ LIETUVIŠKĄ SIDABRO LYDINĮ

Dalia Grimalauskaitė, Ivanas Sinčiukas

Santrauka

Lietuvos nacionaliniame muziejuje (LNM) saugomas neįprastas lietuviškas (dar vadinamas pusapvalės lazdelės formos, taip pat – Vakarų Rusijos bei „izroj“) sidabro lydinys (Inv. Nr. MA 3550). Jis išsiskiria tuo, kad yra suvirintas iš dviejų dalių. Į LNM lydinys pateko su Lietuvių mokslo draugijos (veikė Vilniuje

1907–1940 m.) numizmatikos kolekcija, priklausė kolekcininko Konstantino Stašio (1880–1942) rinkiniui ir kildinamas iš Vilniaus lobio (Rybiškės, XIV a. pabaiga/1930 m.).

Lydinio masė 107,1 g, ilgis 126,5 mm, plotis 11 mm, aukštis 11 mm. Lydinyje yra trys įkartos, kurių gylis –

nuo 6 iki 7,5 mm. Įkirtimui buvo panaudotas kalto tipo įrankis, kurio darbinės dalies kampas 65–70°.

Trumpai aptariant galimas įkirtų lietuviškuose lydinuose funkcijas, labiausiai tikėtinos trys hipotezės: 1) kai kuriuose lietuviškuose lydinuose yra simbolinės įkartos, suteikiančios jiems tradicinę prekinę kaltinių juostinių sidabro lydinių, naudotų lietuviškų lydinių paplitimo teritorijoje, išvaizdą, 2) pirminė įkirtų paskirtis – lydinio branduolio demonstravimas perduodant išlietus lydinius užsakovui, siekiant parodyti jo autentiškumą. Tai, laikui bėgant, tapo tradicija, kaip ir lietuviškų lydinių galų lengvas pakalimas – suplojimas, 3) įkartos – laikinas nuosavybės ženklas, naudotas skirtingiems metalo partijų lydiniams, juos atiduodant skirtingiems savininkams, palikusiems metalą vienu metu, žymėti.

Suvirinus dvi lydinio dalis, radosi lydinys su įprastomis įkartomis, bet be suplotų galų, o jo dydis ir masė atitiko normalaus lydinio dydį ir masę. Jei prielaida apie lydinio autentiškumą yra teisinga, galima teigti, kad prekinė piniginei rinkai buvo reikalingas būtent tokios standartinės išvaizdos lydinys, t. y. lydiniai apyvartoje cirkuliavo ne pagal svorį, o pagal skaičių. Būtent tokia išvada buvo padaryta, remiantis lietuviškų sidabro lydinių (izroj) paminėjimu Rygos ratmanų laiške Vitebsko kunigaikščiui Michailui Konstantinovičiui 1298 m. – XIII a. pabaigoje–XIV a. pradžioje lydiniai cirkuliavo pagal skaičių.

LENTELIŲ SĄRAŠAS

1 lentelė. Lydinio dalių ir suvirinimo siūlės lydinio sudėtis (promilėmis).

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Lietuviškas sidabro lydinys, suvirintas iš dviejų dalių: 1 – aversas, 2 – reversas, 3, 4 – vaizdas iš abiejų šonų. Inv. Nr. LNM, MA 3550.

2 pav. Lydinio fragmentas. Lydinio pusės su dviem įkartom galas. Mastelis 5:1.

3 pav. Lydinio fragmentas. Lydinio pusės su viena įkarta galas. Mastelis 5:1.

4 pav. Kaltiniai juostiniai lydiniai iš Joniškio lobio (XI a. / 1958): 1 – svoris – 112,564 g. Inv. Nr. LNM, AR 485:1; 2 – svoris – 101,735 g. Inv. Nr. LNM, AR 485:5; 3 – perlaužtas pusiau lydinys, svoris – 102,142 g (48,353 ir 53,789 g). Inv. Nr. LNM, AR 485:4.

5 pav. Įkartos, padarytos peiliu kaltiniuose juostiniuose lydinuose, iš Joniškio lobio (XI a. / 1958): 1 – įkartos plokščios juostelės pavidalo lydinys. Svoris – 101,735 g. Inv. Nr. LNM, AR 485:5; 2 – įkartos į spiralę susuktame lydinys. Svoris – 107,795 g. Inv. Nr. LNM, AR 485:2.

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

ABOUT AN UNUSUAL LITHUANIAN SILVER BAR

Dalia Grimalauskaitė, Ivan Sintchouk

Summary

At the National Museum of Lithuania, there is an unusual Lithuanian silver bar (also called half-rounded stick forms and Western Russian and “izroj”) (inventory number MA 3550). It is distinctive in that it is welded out of two parts. It came to the Museum as part of the numismatics collection of the Lithuanian Scientific Society, which operated in Vilnius from 1907 to 1940. It belonged to the collection of Konstantinas Stašys (1880–1942) and it can be traced back to the Vilnius hoard (Rybiškės, end of the 14th century/1930).

The bar's mass is 107.1 grams, its length is 126.5 mm, its width is 11 mm, and its height is 11 mm. In the bar, there are three cuts, the depths of which range from 6 to 7.5 mm. For making these cuts, a chisel – type tool was used; the working angle of which was 65–70°.

Briefly discussing the possible functions of the cuts into Lithuanian bars, the most likely are the following three hypotheses: 1) in some Lithuanian bars, there are symbolic cuts, giving the bars a traditional attractive appearance of cut ribboned silver bars, used in the terri-

tory in which Lithuanian bars had spread; 2) the initial purpose of the cuts was to demonstrate the core of the bar when handing over the poured bar to the customer, seeking to show their authenticity. With the passage of time, it became a tradition, just like the mild pounding and flattening of the ends of Lithuanian bars; 3) the cuts were a temporary marker of ownership, used to mark the bars of different metal shipments, used when giving the bars back to owners who had left the metal at the same time.

Welding together the two parts of the bar, a bar with usual cuts was made, but without flattened ends, and its size and mass matched the size and mass of a normal bar. Assuming that the bar is authentic, it would follow that the market for goods and money needed precisely a bar of such standardized appearance, that is, the bars circulated not according to weight, but according to their number. Precisely such a conclusion was made about the circulation of bars according to their number at the end of the 13th century and the begin-

ning of the 14th century, supported by the mention of Lithuanian silver bars (izroj) in a letter of the Ratman of Riga to the Duke of Vitebsk, Michail Konstantinovich, in 1298.

LIST OF TABLES

Table 1. Composition of the parts of the bar and the seam of the weld alloy (in promile).

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Lithuanian silver bar, welded from two parts: 1 – obverse, 2 – reverse, 3, 4 – view from both sides. Inventory number at the National Museum of Lithuania, MA 3550.

Fig. 2. Fragment of the bar. End of the bar with two cuts. Scale 5:1.

Fig. 3. Fragment of the bar. End of the bar with one cut. Scale 5:1.

Fig. 4. Chiseled ribboned bars from the Joniškis hoard (11th century/1958): 1 – mass –112.564 grams. Inventory number AR 485:1; 2 – mass –101.735 g. Inventory number AR 485:5; 3 – punched-through half-bar, mass –102.142 g. (48.353 and 53.789 g). Inventory number AR 485:4.

Fig. 5. Cuts made with a knife in chiseled ribboned bars from the Joniškis hoard (11th century/1958): 1 – cuts in a wide – ribboned bar. Mass –101.735 g. Inventory number AR 485:5; 2 – cuts in a bar turned in a spiral. Mass –107.795 g. Inventory number AR 485:2.

*Translated from Lithuanian
by Rasa Tolvaišaitė*

Dalia Grimalauskaitė
Lietuvos nacionalinis muziejus,
Arsenalų g. 1, LT-2001, Vilnius, tel. 62 77 38.

Ivanas Sinčičukas (Иван Иванович Синчук)
Ул. Ольшевского 6-53, Минск, 220079, Беларусь,
tel. 2542516, e-mail: vpetrakovsky@bspa.unibel.by (for I. Sintchouk).

Straipsnis gautas 2001 02 20